

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Ю. В. НОВАК^{1), 2)}

¹⁾Белорусский государственный аграрный технический университет,
пр. Независимости, 99, 220023, г. Минск, Беларусь

²⁾Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь

Анализируется феномен исторической политики в социально-философском аспекте. Историческая политика воздействует на сферу исторической науки и образования, дополняет принципы научной работы ценностными ориентирами принципов государственной деятельности, представленными в основах государственной идеологии. Историческая политика может находиться как в конфронтации, так и в соответствии с историческим знанием. Идеология и наука имеют разные цели, и это расхождение является той естественной границей влияния идеологии на сферу исторического познания, нарушая которую, она становится чуждой науке.

Ключевые слова: историческая политика; историческое образование; идеология; идентичность; ценностные ориентиры.

HISTORICAL POLITICS AS A SUBJECT OF SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Yu. V. NAVAK^{a, b}

^aBelarusian State Agrarian Technical University, 99 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220023, Belarus

^bNational Institute for Higher Education, 15 Maskoŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

The article analyzes the historical policy in the socio-philosophical aspect. Historical policy intends to influence the sphere of historical science and education by adding the principles of state activity presented in the foundations of state ideology to the principles of scientific activity as value guidelines. Historical policy can either confront historical knowledge or conform to it. Ideology and science diverge from each other in their goals, and this divergence creates the natural boundary of the state historical policy influence. By breaking this boundary ideology will be seen as alien to science.

Keywords: historical politics; historical education; identity; ideology; value orientations.

В качестве концепта историческая политика вошла в поле социально-гуманитарных наук не так давно. Первыми проявили к ней научный интерес профессиональные историки ФРГ в 1980-х гг. Здесь историческая политика получила свое прочтение как «морально-политический поворот», инициированный Г. Колем в целях утверждения более пози-

тивного характера немецкого патриотизма, который до того времени базировался исключительно на признании собственной вины за преступления Третьего рейха. Это привело к «спору историков» и актуализации вопроса о проработке прошлого (критической работе над памятью о прошлом) и о причинах возникновения нацизма и мере его

Образец цитирования:

Новак ЮВ. Историческая политика как предмет социально-философского анализа. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;1:60–66.

For citation:

Navak YuV. Historical politics as a subject of socio-philosophical analysis. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;1:60–66. Russian.

Автор:

Юлия Валентиновна Новак – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин¹⁾, аспирантка кафедры философии и методологии университетского образования²⁾. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор В. Ф. Берков.

Author:

Yulia V. Navak, senior lecturer at the department of social and humanitarian disciplines^a and postgraduate student at the department of philosophy and methodology of university education^b.
novak-77@inbox.ru

ответственности за Вторую мировую войну. С этого момента за исторической политикой закрепляется функция выработки и популяризации определенной интерпретации истории, выбранной в качестве правильной по политическим мотивам [1, с. 8].

Не обошли вниманием этот вопрос и польские исследователи, которые рассматривали историческую политику как средство воспитания здорового патриотизма, делая смысловой акцент на противостояние «искажениям» истории как внутри страны, так и за рубежом. Польский историк Р. Траба назвал данное явление новой исторической политикой, главным принципом которой является отказ от «критического патриотизма», ориентированного на создание единого европейского пространства для диалога (например, дискуссия в начале 2000-х гг. о массовых убийствах евреев в городке Едвабне в 1941 г.) и возвращение к неоконсервативной национальной идеологии под девизом «Патриотизм завтрашнего дня» [2, с. 43–44]. Подобное явление наблюдается в странах Балтии и некоторых посткоммунистических странах Восточной Европы, столкнувшихся с необходимостью выстраивания своей независимости и национальной идентичности на принципиально новой системе ценностей, противостоящей ранее господствовавшей коммунистической идеологии. При этом перед малыми государствами, помимо всего прочего, с помощью соответствующей исторической политики более рельефно очерчивается проблема отстаивания своего места в историческом процессе в результате открывшихся новых перспектив современного политического дискурса, предоставляющего малым государствам возможность не только быть объектами политической активности великих держав, но и выступать активными участниками исторического процесса [3, с. 109].

Активно интересуются темой исторической политики как новой формой взаимодействия истории, исторической памяти и государства российские исследователи А. И. Миллер, А. Р. Дюков, украинский историк Г. В. Касьянов [4–7]. Зарубежному опыту осуществления исторической политики посвящают свои работы О. Н. Борох и А. В. Ломанов, Ю. Шерер, М. В. Кирчанов, А. В. Астров [3; 8–11]. Немецкий взгляд на белорусскую историческую политику представлен в работе Р. Линднера [12]. В целом же можно сказать, что интерес к исторической политике лишь набирает обороты и в обозримой перспективе даст прирост соответствующих научных публикаций по этой теме.

Задачей данной статьи является анализ феномена исторической политики в социально-философском аспекте. При этом мы опираемся на су-

ществующее в научной литературе определение исторической политики как системы «целенаправленной деятельности институтов государственной власти по формированию национального историко-государственного мировоззрения человека и общества, укреплению историко-культурных и духовно-этических представлений людей, их готовности к созидательному труду, отстаиванию государственной безопасности и национальных интересов Отечества» [13, с. 10]. Наш подход предполагает рассмотрение исторической политики и как объекта, и как субъекта этой деятельности с акцентированием следующих взаимосвязанных вопросов: 1) влияние государственной политики на сферы научного познания и образования; 2) границы этого влияния в обозначенных сферах. Рассмотрим данные явления на примере сложившегося соотношения сфер исторического познания и исторического образования в Республике Беларусь на современном этапе.

Как любое молодое независимое государство, Республика Беларусь нуждается в собственной легитимации, которая зачастую осуществляется за счет активной государственной политики, проводимой как в общественной, так и в духовной сфере. История стала объектом пристального внимания нашего государства, что подтверждается разработкой государственными деятелями совместно с учеными проекта исторической политики. Кроме того, историческая политика непосредственно связана со сферой гражданского и патриотического воспитания, а также с созданием национально-культурной идентичности и формированием национального самосознания¹.

Историческая политика является попыткой политических сил представить обществу определенную интерпретацию исторического прошлого с целью убедить общество в правильности такой интерпретации [1, с. 9]. Удовлетворительным результатом подобного рода усилий может считаться усвоение исторической интерпретации на уровне индивидуального сознания человека в качестве основы его национальной идентичности. Общественной площадкой для осуществления данного проекта выступает в первую очередь сфера образования, которая, по сути, ориентирована на воспроизводство общества как такового, его основных атрибутов посредством процесса социализации, обучения и воспитания [14, с. 114].

Относительно преподавания истории Беларуси в современной школе (как средней, так и высшей) стоит отметить довольно частую смену взглядов на прошлое белорусов. Так, в период с 1991 по 2010 г. школьные учебники по истории Беларуси переписи-

¹Кодекс Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г. № 243-З : ред. Закона Респ. Беларусь от 23.07.2019 г. № 231-З [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243> (дата обращения: 18.09.2019).

сывались трижды [16]. Возникает вопрос: чем обусловлена такая нестабильность в интерпретации исторического материала? Этот вопрос является традиционным для исторической науки, но выходит за ее рамки и становится предметом социально-философской рефлексии. К нему обращались неокантианцы, неопозитивисты, представители герменевтики и др.

Специалист в области современной социальной философии Т. Островская, разрабатывающая проблему национальной идентичности, пытается искать решение, опираясь на идеи герменевтика П. Рикёра и последователя исторической школы «Анналов» М. Ферро. Исследователь отмечает, что, по Рикёру, способность человека вспоминать и описывать свое прошлое – одна из фундаментальных характеристик его бытия, и при использовании схемы П. Рикёра «взаимоотношения между идентичностью, образованием и историческим прошлым могут быть описаны посредством метафоры герменевтического круга, то есть определенные представления об историческом прошлом закладываются в основание национальной идентичности, а образование выступает своего рода медиумом. И тогда сохранение исторического прошлого невозможно без перманентной трансляции средствами образования и последующей его интериоризации индивидами» [15]. Далее Т. Островская в своих рассуждениях опирается на идеи М. Ферро и формулирует мысль о том, что «двигателем, который запускает процесс циркуляции смыслов в рамках данного герменевтического круга, является поле властных отношений» [15]. Так, М. Ферро посвящает данной теме свою работу «Как рассказывают историю детям в разных странах мира» [16]. Книга насыщена богатым фактическим материалом, в ней дана убедительная иллюстрация разнообразных, иногда противоречивых подходов при освещении одних и тех же явлений, событий и процессов даже в отдельно взятой стране. В качестве подтверждения можно взять хотя бы сообщение М. Ферро о ситуации из польской практики исторического воспитания молодежи. Он пишет: «В Польше... та история, что совсем недавно преподавалась в школе, заметно отличается от той, которую рассказывали дома. Русские играли в этих историях не совсем одинаковую роль. <...> Мы обнаруживаем здесь столкновение коллективной памяти с официальной историографией» [16, с. 9]. М. Ферро предпринимает попытку своего рода классификации основных исторических моделей, выделяя институциональную историю, контристорию и коллективную память людей. Две первые модели он именует «историей историков», отмечая, что коллективная память не зависит от ученой традиции и распространяется иными способами. То, что М. Ферро обозначает термином «институциональ-

ная история», П. Рикёр в своих работах называет «практикуемая память», «навязанная память». Он пишет: «На деле практикуемая память – это, если иметь в виду институциональный план, память, которой обучили; принудительное запоминание, таким образом, действует в интересах воспоминания событий общей истории, признанных основополагающими для общей идентичности» [17, с. 125].

Т. Островская заключает, что «смена власти неизбежно приводит к изменению исторической перспективы, которая, в свою очередь, отражается в форме и способах преподнесения исторического прошлого подрастающему поколению. При этом всегда существует опасность злоупотребления “властью над историей”, что может негативно сказаться и на процессах формирования идентичности» [15]. Согласно позиции П. Рикёра, коллективная память, естественная память в гораздо меньшей степени подвергается манипуляциям, нежели практикуемая память, так как сама идеология, действуя на различных операциональных уровнях, выполняет несхожие функции. Для коллективной памяти это интеграция с помощью символических средств культуры (средств нарратива) в целях конституирования и сохранения первичной культурной идентичности. Для практикуемой памяти, институциональной истории идеология выполняет функцию легитимации иерархической структуры власти и порядка (структуры *господство – подчинение*), и именно здесь «приводятся в действие ресурсы манипуляции, предлагаемые рассказом» [17, с. 125]. Даже наиболее примитивная форма власти, основанная на доминанте физического насилия, нуждается в подобного рода нарративной легитимации. «Даже тиран нуждается в риторике, софисте, которые возвещали бы о его замыслах по соблазнению или устрашению», – пишет П. Рикёр [17, с. 125]. Для иллюстрации того, как образование выполняет функцию легитимации власти и как проявляет себя идеология в пространстве коллективной памяти и практикуемой памяти, можно привести пример из книги М. Ферро, где он рассматривает причины введения французскими колонизаторами школьного образования для черного населения Западной Африки. Просветительская цель здесь далеко не единственная, она дополняется желанием противостоять антифранцузской истории марабутов и гриотов, представителей касты сказителей-певцов, по сути выступавших в роли хранителей и распространителей устной исторической традиции. Будучи носителями естественной памяти, они изображали победы и колониальные завоевания французов как преходящие и случайные, что шло вразрез с официальной исторической концепцией, в соответствии с которой статус французского присутствия на черном континенте квалифицировался как естественный закономерный процесс [16, с. 37].

В продолжение философской линии продуктивной традиции объяснения истории, заложенной в произведениях Гегеля, в дальнейшем в рамках марксизма формулируется материалистическое ее понимание. В методологическом плане представляется ценным следующее высказывание К. Маркса: «Так называемое историческое развитие покоится вообще на том, что новейшая форма рассматривает предыдущие как ступени к самой себе и всегда понимает их односторонне, ибо лишь весьма редко и только при совершенно определенных условиях она бывает способна к самокритике» [18, с. 732]. В нем, как нам представляется, находится ключ к решению вопроса об отмеченном выше обилии существующих правд о многих событиях и процессах в нашей историографии. Обнадёживает тот факт, что способность к самокритике, хотя и реализуется крайне редко, тем не менее принципиально достижима, а вместе с ней для исторического знания открывается перспектива быть истинным знанием, объективно отражающим реалии социальной жизни: создается возможность быть знанием научным.

Таким образом, мы видим, как история и дискуссии о ее сути сближают сферы интересов государства и образования. Этой мысли созвучны выводы, представленные в коллективной публикации в журнале «Беларуская думка» [13]. Там вопрос об отношении государства к историческому образованию рассматривается через обращение к процессам формирования и сохранения идентичности нации, и вместе с тем акцентируется внимание на том, что, «в отличие от зарубежных стран, значение исторической политики как инструмента стратегии выстраивания и формирования национальной идентичности в Беларуси недооценивается. В обществе имеется очевидный запрос на более отчетливое понимание истории белорусской государственности как одной из основ развития современной национальной идеи и государства в целом» [13, с. 10]. Бесспорно и то, что формирование основ национально-культурной идентичности на уровне личности – это прерогатива сферы образования и воспитания, поле деятельности конкретных педагогов в конкретной педагогической ситуации, действие на микроуровне процесса обучения, на уровне работы и взаимодействия с индивидуальным сознанием обучаемого. Ведь именно здесь возможна интериоризация определенной исторической модели, вырабатываемой и предлагаемой в рамках исторической политики, т. е. возможно принятие внешнего по отношению к обучаемому исторического знания как своего, как знания, к которому индивидуальное существование обучаемого имеет непосредственное отношение. Как пишет Т. Островская, «проекты идентичности могут сколько угодно конструироваться, но пока они не усвоены индивидом (в нашем случае школьником), они не становятся значимыми смыслами, а оста-

ются лишь проектами» [15]. Таким образом, государство, с одной стороны, и сфера образования, с другой, заинтересованы в осуществлении одного большого проекта, а именно в формировании и сохранении национально-культурной идентичности белорусов.

Важен еще один аспект рассматриваемой проблемы. Речь идет о вполне возможных перекосах, возникающих при непосредственном осуществлении исторической политики в сфере образования, тем более что в советском прошлом такие идеологические перекосы наблюдались в качестве системного явления не только в сфере исторического образования, но и в исторической науке. Представители современной белорусской исторической науки осознают эту опасность, и потому вполне своевременно предупреждение о том, что «проведению исторической политики в Беларуси не должна быть присуща явная спешка или возвращение к догматизму. Сохранение исторического наследия не должно ни в коем случае иметь националистических тенденций и перерасти в борьбу с научным инакомыслием. К тому же очень важно не допускать в экспертной среде, и особенно в белорусском обществе, “войны памяти”, которую нам пытаются навязать различные внешние и внутренние деструктивные силы» [13, с. 10]. Предложено принять следующие меры по активизации исторической политики: 1) уточнение и закрепление концептов по основным и наиболее проблемным вопросам истории, составляющим фундамент белорусской государственности; 2) всемерная популяризация закреплённых концептов через тематические историко-культурные мероприятия учреждений науки и образования, музеев; 3) освещение в СМИ отечественной и всемирной истории; 4) систематическое проведение международных круглых столов, семинаров, конференций по дискуссионным вопросам истории с привлечением авторитетных ученых сопредельных стран.

Очевидно, эти мероприятия в большей степени затрагивают именно сферу исторической науки и лишь косвенно – историческое образование. Кроме того, ученые предлагают обсудить вопрос о создании как минимум двух структур: научного или общественного коллегиального органа по исторической политике (его функции в статье четко не сформулированы) и координационного совета по историческим наукам, одной из центральных задач которого видится определение приоритетных тем исследований в области истории [13, с. 10]. Любая государственная политика, какой бы сферы общественной практики она ни касалась, направлена, по своей сути, на то, чтобы сделать для себя эту сферу более предсказуемой, управляемой, организованной именно по тем правилам и принципам, которые будут обеспечивать реализацию государственных интересов. Не исключение в этом

смысле и предлагаемый проект исторической политики, ратующий за точность и своеобразную «чистоту линий» в наиболее проблемных темах исторической науки, касающихся белорусской государственности. И достигается это за счет того, что историческая наука добавляет к принципам научной работы в качестве ценностного ориентира принципы государственной деятельности. М. Ферро, высказываясь по вопросу идеологического влияния на историческую науку и образование, был еще более категоричен, утверждая, что «истории, независимо от ее тяги к научному знанию, присущи две функции: врачевание и борьба» [16, с. 9–10]. И эти функции (или, как их называет автор, «миссии») историческое знание выполняет независимо от обстоятельств времени и места, меняя только форму и средства осуществления. Далее М. Ферро пишет, что «история остается одинаково миссионерской: наукообразие и методология служат не более чем “фиговым листком” идеологии» [16, с. 10]. И здесь мы подошли вплотную ко второму пункту нашего обсуждения, а именно к вопросу о границах государственного влияния в сфере исторического познания и исторического образования.

Государство, поддерживая какое-либо мероприятие, разрабатывая новую государственную политику, будет ожидать дивидендов от своего «вложения». Не исключение в этом плане и рассмотренный нами выше проект исторической политики. Вопрос в том, каких именно дивидендов ожидает от исторической науки белорусское государство и насколько сама историческая наука обладает потенциалом вернуть их государству. При этом непременно должно осуществляться основное предназначение государственной исторической политики, т. е. «воспрепятствование попыткам искажения и интерпретации исторических фактов и событий в ущерб национальному самосознанию, авторитету нации (народа), а также формирование оптимальных подходов к историческому прошлому и обеспечение их позитивного восприятия обществом» [13, с. 3]. В целом задачи исторической политики согласуются с основными положениями идеологии белорусского государства, прописанными в учебниках с соответствующим названием, и даже практически повторяют их. Значит, разговор о границах влияния государства на историческую науку и образование подразумевает определение границ влияния идеологии на эту сферу.

Вопросы идеологии, ее воздействия на науку и образование активно разрабатываются исследователями всего постсоветского пространства, в том числе и белорусскими гуманитариями. Так, В. Ф. Берков, говоря о функциях идеологии, отмечает: «Сплачивая представителей той или иной социальной группы, обеспечивая их солидарность, идеология служит своеобразной матрицей выдви-

жения, оправдания, реализации, осуждения, отвержения определенных мотивов и целей деятельности» [19, с. 97]. Далее речь идет о двух основных видах влияния идеологии на науку: 1) воздействие на цели, задачи и результаты научного исследования; 2) воздействие на средства ее развития, т. е. на ее методологию. Возможны следующие варианты влияния первого рода: а) соответствие научному отображению действительности; б) игнорирование достижений науки, ее целей и возможностей и, как следствие, отрыв от действительности и приобретение догматического облика; в) уход науки от непосредственного контакта с идеологией (явление, характерное прежде всего для фундаментальных исследований); г) наложение идеологического запрета на достижения науки; д) насилие над наукой, превращение идеологии в преграду развития последней или вынуждения идти по ложному пути.

По-видимому, в данном перечне наиболее оптимальным для науки выглядит первый вариант, но реально состояться сможет, скорее всего, третий, причем его реализация возможна только при стабильных социально-политических условиях, не предполагающих кардинальных изменений в общественном развитии. Открытый и динамичный характер современной жизни по самой своей сути ориентирован на инициирование новых социальных проектов, мероприятий и программ деятельности, что, конечно же, отразится на целях и задачах государственной идеологии, а значит, будет меняться и корректироваться и статус государственной идеологии в рамках науки и образования.

Что же касается взаимоотношений идеологии и науки на методологическом уровне, то, к сожалению, рамки данной статьи не позволяют детально остановиться на этом актуальном для современной науки вопросе.

Подводя некоторые промежуточные итоги, можно утверждать, что понятие исторической политики интересует не только историков и политологов, но и становится предметом социально-философского анализа через обращение к таким темам, как формирование идентичности, выбор новых ценностных ориентаций, а также через актуализацию темы влияния идеологии на сферу исторического знания и образования. Исходя из вышесказанного, можно сформулировать ряд выводов.

1. Историческая политика, будучи изначально ориентированной на формирование национального историко-государственного мировоззрения, призвана оказать воздействие на сферу исторической науки и образования, дополнить принципы научной работы ценностными ориентирами государственной деятельности, которые представлены в основах идеологии государства. Это также значит, что разговор о границах влияния государства на историческую науку и образование может вестись

в понятиях определения границ влияния идеологии на сферу исторического познания и образования в целом.

2. Идеология и наука обычно отличаются по своим стратегическим целям, и именно это расхождение будет той естественной границей влияния идеологии на сферу исторического познания, нарушая которую, идеология будет восприниматься наукой как чуждая ей. Цель науки – истина, цель образования – успешная социализация обучаемых согласно государственным интересам, цель идеологии – достижение и легитимация власти различными способами (воспитание лояльного по отношению к действующим государственным структурам гражданства с помощью системы образования, увеличение своего присутствия в стратегических для успешного развития общества сферах и т. д.). Можно допустить, что, будучи провозглашенной и реализованной, историческая политика увеличит влияние идеологической составляющей в структуре исторического знания и образования, что далеко не всегда положительно сказывается на развитии исторической науки. Это связано с некоторыми свойствами самой идеологии, слабой стороной которой является внутреннее сопротивление любой критике, в том числе и самокритике.

3. Историческая наука и историческая политика могут находиться в отношении соответствия в своем интересе к формированию мировоззрения и идентичности отдельной личности, социальной группы и нации в целом, и на этом фундаменте выстраивать плодотворное сотрудничество. Однако наука в этом интересе будет ориентироваться на совокупность ценностей, совпадающих с интересами и ожиданиями всего человечества в данную эпоху, государственная же идеология, в первую очередь будет блюсти национальный интерес и беспокоиться о сохранении либо созидании положи-

тельного образа государства как для собственных граждан, так и для мирового сообщества. Полная деидеологизация сферы науки, особенно истории, которая зачастую в сфере образования выполняет, по словам М. Ферро, «функции борьбы и врачевания» [16, с. 10], вряд ли возможна, но и усиление идеологического влияния на науку должно быть оправдано реальными потребностями социокультурной и политической обстановки и нуждами самой науки.

4. Сфера исторического образования гораздо более пластична в отношении воздействия на нее государственной политики, нежели наука. Однако именно наука наполняет образование содержанием и важными мировоззренческими смыслами. Транслируя эти смыслы юным гражданам Республики Беларусь, сфера образования непосредственно участвует в процессе формирования их национальной и культурной идентичности. Историческая же политика задает историческому образованию общую стратегию видения, определенную интерпретацию прошлого, предлагая свой набор приоритетных ценностей для конкретного общества в данный период с дальнейшей перспективой воспроизводства этих ценностей в будущем в сознании и мировоззрении людей.

В заключение можно обратиться к приведенной выше мысли К. Маркса, которая как нельзя кстати отражает всю сложность обсуждаемой темы [18, с. 732]. Автор, объясняя, почему и как видоизменяется конкретная историческая модель, одновременно побуждает поставить вопрос: есть ли (были ли) страны, которые честно признаются (признавались) в своих исторических ошибках и нелицеприятных действиях, и каковы условия, необходимые для самой возможности осуществления исторической самокритики? Эта перспективная тема для исследований, безусловно, найдет своих приверженцев.

Библиографические ссылки

1. Миллер А. Россия: власть и история. *Pro et contra*. 2009;3–4:6–23.
2. Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке. *Pro et contra*. 2009;3–4:43–64.
3. Астров А. Эстония: политическая борьба за место в истории. *Pro et contra*. 2009;3–4:109–124.
4. Миллер АИ. Рост значимости институционального фактора в политике памяти – причины и последствия. *Полития*. 2019;3:87–102.
5. Миллер АИ, Ефременко ДВ, редакторы. *Методологические вопросы изучения политики памяти*. Москва: Нестор-История; 2018. 224 с.
6. Дюков АР. Историческая политика или историческая память. *Международная жизнь*. 2010;1:133–148.
7. Касьянов ГВ. Историческая политика и «мемориальные» законы в Украине: начало XXI в. *Историческая экспертиза*. 2016;2:28–57.
8. Борох О, Ломанов А. Китай: возвращение Небесного повеления. *Pro et contra*. 2009;3–4:65–88.
9. Кирчанов МВ. «Проработка прошлого» по-британски: особенности политики памяти в Англии и Шотландии. *Историческая экспертиза*. 2017;4:96–109.
10. Кирчанов МВ. Исторический ревизионизм в Болгарии: проблема истории национального возрождения и политическая ответственность интеллектуалов. *Историческая экспертиза*. 2019;2:57–69.
11. Шеррер Ю. Германия и Франция: проработка прошлого. *Pro et contra*. 2009;3–4:89–108.
12. Лінднэр Р. *Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX стст.* Баршчэўскі Л, перакладчык; Сагановіч Г, рэдактар. Санкт-Пецярбург: Неўскі прасцяг; 2003. 540 с.
13. Коваленя А, Арчаков В, Данилович В, Баньковский А. К вопросу об исторической политике. *Беларуская думка*. 2019;8:3–11.

14. Мацкевич В. Образование. *Образовательная политика*. 2010;1–2:114–120.
15. Островская Т. Генеалогия исторической памяти белорусов в контексте образовательных практик [Интернет]. 2010 [протитировано 18 сентября 2019 г.]. Доступно по: <http://nauka.x-pdf.ru/17istoriya/557612-1-genealogiya-istoricheskoy-pamyati-belorusov-kontekste-obrazovatelnih-praktik-tatyana-ostrovskaya-ne-nuzhno-sebya-obmani.php/>.
16. Ферро М. *Как рассказывают историю детям в разных странах мира*. Лебедева Е, переводчик. Москва: Высшая школа; 1992. 351 с.
17. Рикёр П. *Память, история, забвение*. Мачульская ОИ, Вдовина ИС, Тавризян ГМ, Блауберг ИИ, переводчики; Комиссарова ЛБ, редактор. Москва: Издательство гуманитарной литературы; 2004. 728 с.
18. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 12*. Москва: Издательство политической литературы; 1958. 880 с.
19. Берков ВФ. Воздействие идеологии на науку. *Социология*. 2015;2:97–102.

References

1. Miller A. Russia: power and history. *Pro et contra*. 2009;3–4:6–23. Russian.
2. Traba R. Polish debates about history in the 21st century. *Pro et contra*. 2009;3–4:43–64. Russian.
3. Astrov A. Estonia: a political struggle for a place in history. *Pro et Contra*. 2009;3–4:109–124. Russian.
4. Miller AI. Growth of the significance institutional factor in politics of memory – causes and implications. *Politiya*. 2019;3:87–102. Russian.
5. Miller AI, Efremenko DV, editors. *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological issues of studying the politics of memory]. Moscow: Nestor-Istoriya; 2018. 224 p. Russian.
6. Dyukov AR. [Historical politics or historical memory]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2010;1:133–148. Russian.
7. Kas'yanov GV. Historical policy and the «memorial» laws in Ukraine: the beginning of the 21st century. *Istoricheskaya ekspertiza*. 2016;2:28–57. Russian.
8. Boroh O, Lomanov A. China: return of the will of heaven. *Pro et contra*. 2009;3–4:65–88. Russian.
9. Kyrchanoff MV. Defunct politics of memory in England and Scotland: British-Eastern European parallels and deferred historical politics. *Istoricheskaya ekspertiza*. 2017;4:96–109. Russian.
10. Kirchanov MV. The historical revisionism in Bulgaria: problems of national revival history and political responsibility of intellectuals. *Istoricheskaya ekspertiza*. 2019;2:52–69. Russian.
11. Sherrer Yu. Germany and France: processing of the past. *Pro et contra*. 2009;3–4:89–108. Russian.
12. Lindner R. *Gistoryki i wlada: nacyjatvorchy pracjes i gistarychnaja palityka w Belarusi XIX–XX stst.* [Historians and power: national process and historical policy in Belarus 19th–21st centuries]. Barshcheuski L, translator; Sahanovich H, editor. Saint Petersburg: Newski prascjag; 2005. 540 p. Belarusian.
13. Kovalenja A, Archakov V, Danilovich V, Ban'kovskij A. [To the question of historical politics]. *Belaruskaja dumka*. 2019;8:3–11. Russian.
14. Mackevich V. [Education]. *Obrazovatel'naya politika*. 2010;1–2:114–120. Russian.
15. Ostrovskaja T. Genealogy of the historical memory of Belarusians in the context of educational practices [Internet]. 2010 [cited 2019 September 18]. Available from: <http://nauka.x-pdf.ru/17istoriya/557612-1-genealogiya-istoricheskoy-pamyati-belorusov-kontekste-obrazovatelnih-praktik-tatyana-ostrovskaya-ne-nuzhno-sebya-obmani.php/>. Russian.
16. Ferro M. *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranakh mira* [How to teach history to children in different countries of the world]. Lebedeva E, translator. Moscow: Vysshaya shkola; 1992. 351 p. Russian.
17. Riker P. *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, history, oblivion]. Machulskaja OI, Vdovina IS, Tavrizian GM, Blauberger II, translators; Komissarova LB, editor. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury; 2004. 728 p. Russian.
18. Marks K, Engels F. *Sochineniya. Tom 12* [Works. Volume 12]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1958. 880 p. Russian.
19. Berkov VF. Ideology's impact on science. *Sociology*. 2015;2:97–102. Russian.

Статья поступила в редколлегию 02.02.2020.
Received by editorial board 02.02.2020.